

занимают данные картвельских языков. Много в книге примеров из нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языков, есть также иллюстрации из языков американских индейцев. Книга обобщает обширную лингвистическую литературу (отечественную и иностранную, новейшую и прошлого века – всего около 350 названий) и является, несомненно, значительным вкладом в теоретическое языкознание³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
2. Серебrenников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
3. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
4. Широков О.С. Современные проблемы сравнительно-исторического языкознания. М., 1981.
5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I–II. Тбилиси, 1984.
6. Theorie, Methode und Didaktik der historisch-vergleichende Sprachwissenschaft / Hrsg. von Untermann J. Wiesbaden, 1973.
7. Martinet A. Évolution des langues et reconstruction. P., 1975.
8. Jucquois G. La reconstruction linguistique. Application à l'indoeuropéen. Louvain, 1976.
9. Birnbaum H. Linguistic reconstruction, its problems, its potential and limitations in a new perspective. Washington, 1977.

10. Problemi della ricostruzione in linguistica / A cura di Simone R., Vignuzzi U. Roma, 1977.
11. Bynon T. Historical linguistics. Cambridge, 1977.
12. Historische Linguistik: Eine Einführung. Köln, 1981.
13. Широкова А.В. Территориальная дифференциация языка. Дифференциация народной латыни на территории Италии. М., 1979.
14. Широкова А.В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков (ареалы Галлии и Балкан). М., 1981.
15. Широкова А.В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982.
16. Откупщиков Ю.В. Карийские надписи Африки. Л., 1966.
17. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988. С. 207–217.
18. Широков О.С. Албано-балто-славянские глоттогенетические связи // Сборник за филологию и лингвистику. Нови Сад, 1981.
19. Широков О.С. Балто-албано-славянские глоттогенетические связи // Baltistica. 1984.
20. Широков О.С. Реконструкция праязыковых изоглосс общиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 54–56, 64.
21. Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М., 1980. С. 7–8, 59–60, 65–66.
22. Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. М., 1956. С. 226, 371–372.
23. Reconstructing language and culture. B.; N.Y., 1992.

Широков О.С.

Чекмонас В. Введение в славянскую филологию. Вильнюс: Мокслас, 1988. 296 с.

Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. Минск: Вышэйшая школа, 1989. 480 с.

Чедиа В.В. Введение в славянскую филологию. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1990. 604 с.

Курс "Введение в славянскую филологию" утвердился в университетских программах сравнительно недавно [1], хотя значение этой пропедевтической дисциплины для подготовки первокурсников трудно переоценить: она не только вводит вчерашних школьников в проблематику последующих курсов, в первую очередь старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков, но и дает сведения по вопросам, которые в даль-

нейшем практически не находят освещения в вузовской программе, – в частности, по проблемам истории, этнографии и мифологии. В свете сказанного остается только удивляться тому обстоятельству, что филологи нашей страны – как в прежних, так и в нынешних ее границах – не располагают стабильным учебником, подобным, например, "Старославянскому языку" Г.А. Хабургаева [2] или "Современному русскому языку" под ред. В.А. Белошапковой [3]. Естественно было бы ожидать, что за решение этой задачи возьмутся специалисты ведущего славистического учреждения – Института славяноведения и балканистики Академии наук, а также преподаватели крупнейших университетов. Однако, к сожалению, ленинградские слависты ограничились лишь всесторонним рассмотрением темы "Классики марк-

³После выхода в свет работы Г.А. Климова был издан сборник [23]. Опубликованные в нем многочисленные материалы по теории сравнительно-исторического языкознания, конкретным вопросам индоевропейской компаративистики и типологии, связи языковой и исторической реконструкций лишней раз подтверждают актуальность книги Г.А. Климова.

сизма-ленинизма и славянская филология", а их московские коллеги вообще, судя по всему, никак не реагируют на появление новой университетской дисциплины.

В результате вузовским преподавателям из национальных республик (ныне – независимых государств) приходится на свой страх и риск и в меру сил создавать собственные пособия – *ad usum proprium*. Весьма показательно, что на протяжении трех лет в двух неславянских и одной славянской столице появились три учебника по введению в славянскую филологию. Значение их и место в научно-педагогическом творчестве авторов различны: для известного специалиста по праславянским реконструкциям вильнюсского профессора В. Чекмонаса (ранние публикации см. под фамилией В.Н. Чекман) написание учебника, рассчитанного на "студентов-филологов национального университета", явилось средством изложения сложных вопросов компаративистики, доступного неславянской аудитории; один из виднейших восточнославянских лингвистов А.Е. Супрун обобщил во втором, переработанном издании своего учебника огромный опыт многолетних исследований в разных областях славистики; для доцента Тбилисского университета В.В. Чедиа, скончавшегося в 1992 г., рецензируемая книга оказалась главным трудом всей жизни.

Начнем в хронологическом порядке. Говоря о достоинствах работы В. Чекмонаса, нельзя не отметить, что она в значительной степени отвечает своему предназначению – быть пособием для студентов Литвы. Учебник написан доступным языком, многие слова, непонятные нерусской аудитории, объясняются (оставлены, правда, без комментариев такие, по-видимому, употребительные лексемы, как, например, *дмхнутъ* – с. 146). Книга не перегружена фактическим материалом, содержит полезные сведения не только о древней истории славян, но и о событиях новой и новейшей истории; весьма удачен рассказ о судьбе полабского языка. Центральное место в учебнике занимают проблемы формирования праславянского языка, и этот факт можно было бы только приветствовать, если бы мы абстрагировались от обычного уровня наших первокурсников, тем более в суверенных неславянских государствах. Автору этих строк, восемь лет проработавшему в Латвийском университете, кажется несколько преувеличенным то внимание, какое В. Чекмонас уделил истолкованию основных понятий языкового родства и механизмам доказательства родства славянских языков. Едва ли подробное перечисление славянских

рефлексов **ě*, или **tj*, или **tъrt*, сопровождаемое длинными рядами соответствий, входит в задачи пропедевтического курса – для этого в программе предусмотрен курс сравнительной грамматики, да и при изучении старославянского языка обращение к инославянским параллелям неизбежно.

При несомненной компаративно-лингвистической ориентации учебника особенно огорчительны многочисленные ошибки в подаче и интерпретации иллюстративного материала. Так, на с. 31 к числу славянских заимствований из греческого отнесено слово *поганъ*, что противоречит общепринятому (и, кстати, повторенному на с. 222) мнению о латинском источнике этого термина. Болгарское существительное *стая* "комната" переведено (*faux ami!*) как "стая" (с. 93). Даже методическими целями трудно оправдать нарочито неверное, "упрощенное" изображение праформ на с. 133, ср. **vušus* (вѣшь) и **ružus* (ръжь). Вполне нормальной с точки зрения современного русского языка, но не старославянского является форма I л. *жънѣ* от *жѣти* "пожинать" (с. 146): в старославянских памятниках этот глагол изменяется по III классу, т.е. *жънѣ* (см. [4, с. 313]). Оставляя написание *хотѣти* (вместо *хотѣти*), *ништѣ* (вм. *ништѣ*), **rodīę*, "рожу" (вм. **rodīę*), **pāiās* "пояс" (вм. -*съ*) на совести наборщиков (с. 147, 148, 171), затруднительно все же приписать их неосведомленности такие формы, как номинатив ед.ч. жен. рода **goręti a* "горячая" (?) – в праславянском это, очевидно, было еще причастие с закономерной флексией **-i*: **tiudi jь* и **govędi jь* – со странным сосуществованием **i* и его континуанта *j* (с. 148). Непонятно, каким образом польская форма *zoty* "указывает на возможность старого" *tolit* (с. 153): кажется, исконная мягкость [ž] такую возможность исключает. Реконструкция для слова *какой* праформы **kākājь* (с. 170) исходит, вероятно, из современного [o] во флексии, без учета его происхождения из напряженного редуцированного. Современным вторичным чередованием *ветер* – *ветра* продиктовано, по-видимому, и восстановление праславянской формы **větrъ* вместо правильного **větrъ* (с. 171): известно, что чередование гласного с нулем звука является здесь неорганическим, развившимся по тому же образцу, что и в словах *огнь*, *угль* (но не *лголь* – с. 173) и т.п. Едва ли корректна праформа **iditi* (с. 172): обычно этот инфинитив реконструируют в виде **jьti* [5]. Крайне

сомнительно возведение формы **zǫl* к **zǫrpn* (с. 183). Вызывает возражение и реконструкция формы **detŕ* (вм. **děť*?) "дитя" (с. 188): общепризнано, что для *-основного существительного **děti* производящим было собирательное **děť* (см. [6, т. 3, с. 166]).

Не свободны от недостатков и общепилологические разделы учебника. Так, на с. 9 к числу современных кельтов отнесены нормандцы – видимо, по смежности с бретонцами. Несколько загадочно выглядит перечисление древних языков Европы, куда входят, в частности, древнегреческий, германский (прагерманский?), кельтский (пракельтский?), балтийские (какие?), праславянский (с. 179); интересно было бы также узнать, какие языки числит автор среди "потомков" авестийского (с. 180). Мертвым языком объявлен старобелорусский (с. 9); следуя собственному смыслу этого термина, обозначающего ранний этап истории белорусского языка, к нему пришлось бы подключить равным образом и древнерусский, старочешский, среднепольский и т.д. – что было бы явно неверно; с другой стороны, принятое в книге В. Чекмонаса понимание старобелорусского как литературного и государственного языка Великого княжества Литовского игнорирует его сложный генезис, прежде всего не только белорусские, но и украинские истоки; как мы полагаем, правильнее здесь было бы говорить – применительно к языку церкви – о "югозападнорусском изводе церковнославянского языка" [7] либо – применительно к актовой письменности – о деловом языке Юго-Западной Руси, а в целом – о (юго)западнорусском письменном языке (ср. сходное словоупотребление в книге А.Е. Сзупруна). Вряд ли заслуживает одобрения принятое В. Чекмонасом использование самоназваний для некоторых народов и территорий (*муслимане*, *Шлѣнск* вместо *мусульмане*, *Силезия*): подобная практика, приведшая в последнее время к появлению аномальных для русского языка названий типа *Кыргызстан*, имела бы смысл только при распространении ее с "муслиман" на "србов", "хрватов", "българ", "франсезов" и "дойчей". Странно читать в филологической работе такую этимологию и трактовку термина *уницяльный*: «(от лат. *unitas*) "единый, унифицированный"» (с. 28); достаточно посмотреть хотя бы в энциклопедию, чтобы убедиться в соотносительности данного названия со словом *uncia*: *uncialis* – равный по длине 1/12 римского фута, т.е. примерно 25 мм. Кириллическая буква **ѣ** опре-

делена в учебнике как "и восьмеричное", **и** – как "и десятичное" (с. 29) – между тем соотношение было обратным. Известный старославянский памятник – Ассеманиев кодекс – назван так, согласно В. Чекмонасу, по месту находки (с. 29) – а не по имени нашедшего его итальянского востоковеда Джузеппе Ассемани, как до сих пор считалось. Ошибочно и утверждение о том, что "Поучение" Владимира Мономаха "вошло" в "Повесть временных лет" (с. 35): на самом деле этот текст механически включен только в Лаврентьевский список летописи. В перечне умирающих и воскресающих богов обращают на себя внимание "малоазийский" (в действительности – финикийско-сирийский) Адонис и "древнегреческий" (точнее, фригийский, т.е. именно малоазийский) Аттис (с. 232).

Ряд неверных утверждений допущен автором при изложении исторических судеб славянства. Говоря об утрате славянами национальной независимости, В. Чекмонас указывает, что в XIX в. "основная масса украинцев и поляки были подданными Российской Империи" (с. 10); тем самым игнорируются почти 8 млн. поляков, находившихся под властью Германии и Австро-Венгрии. Государственное образование, созданное Наполеоном на территории прусской Польши, именовалось не Польским герцогством (с. 59), а Великим герцогством Варшавским. При всем нашем критическом отношении к недостаточно прорусской, но последовательно великодержавной политике Александра Баттенберга и Фердинанда Кобурга никак невозможно согласиться с тем, что "правители Болгарии стремились подчинить ее Австро-Венгрии" (с. 91). Никакого особого "Ордена крестоносцев" (с. 168) в Прибалтике не было – земли пруссов захватил Тевтонский орден. Неизвестные страницы истории открывает следующий пассаж: "В V в. готы начали новый поход на Рим. В 476 г. они штурмом взяли вечный город и разграбили его" (с. 239); до последнего времени считалось, что Рим был захвачен в 410 г. вестготами, в 455 г. – вандалами, а в 476 г. произошел мятеж германских наемников, приведший к низложению Ромула Августула. Большая смелость требуется для того, чтобы утверждать: "...из летописи совершенно ясно, что Рюрик был призван на княжество с целью прекратить междоусобицы, начавшиеся у славян после смерти общепризнанного их главы" – Гостомысла (с. 250). Учитывая, что в ранних летописях это имя не фигурирует вообще, а в поздних упоминается в перечне новгородских посадников, следова-

ло бы, как представляется, проявить в этом случае бóльшую осторожность – хотя бы вслед за С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским.

Впрочем, осторожность, судя по книге, не принадлежит к числу недостатков автора. Завидной решительностью отличаются и его датировки (ср., например: "...народ, говоривший на праславянском языке [!], сформировался в течение тысячелетия, начиная с XII в. до н.э." – с. 124), и подход к таким в высшей степени дискуссионным проблемам, как балто-славянское родство, славяно-иранские и славяно-кельтские языковые контакты. Едва ли, думается, стоило преподносить первокурсникам – пусть даже в национальном университете – в качестве единственно верного положение об иранском происхождении слов *небо*, *зло*, *казнь*, *слово* и др. (с. 197); не столь уж "несомненно" и кельтское происхождение слов *лють*, *дужь*, *тѣсто* (с. 203); отнюдь не бесспорны утверждения о польском источнике слов *если*, *граница*, *довод*, *знак* (с. 127).

Не вполне корректные положения находимы и в персоналиях; так, К. Гавличек-Боровский представлен в учебнике под именем К.Г. Боровского (с. 69); восточнославянский лексикограф именуется то Бериндой, то Берындой; деятельность Паисия Хилендарского протекала не в XVII, а в XVIII в. (с. 92); русское имя В. Ягича – не Викентий Игнатьевич (с. 269), а Игнатий Викентьевич.

Наконец, особые замечания заслуживают тексты, помещенные в учебнике для иллюстрирования отдельных славянских языков. В качестве текста на старославянском языке приводится отрывок из "Жития Константина Философа" (с. 33); хотя автор оговаривает, что "древнейший список памятника восходит к XV в.", точнее было бы отметить, что текст жития восходит к IX в., а список относится к XV в. – т.е. заведомо не может привлекаться для характеристики старославянского языка (во всяком случае, его фонетики и грамматики, ср. такие написания, как *мужь*, *сѣхранѣа*, *исполнь* и др.). Для западно- и южнославянских языков выбраны далеко не авторитетные, не классические тексты, в основном почерпнутые не из оригинальных источников, а из учебников.

Таким образом, приходится констатировать, что заслуживающий всяческого одобрения замысел – дать студентам-славистам национального вуза сжатый и лингвистически ориентированный очерк важнейших вопросов славянской и в особенности праславянской филологии – не получил в книге В. Чекмонаса удовлетворительной реализации. Изобилие ошибок и неточных формулировок, явно не

приличествующее университетскому учебнику, вынуждает нас согласиться с отрицательной оценкой этого издания, уже высказанной в предшествующей рецензии [8].

Высоким профессионализмом отличается учебник А.Е. Супруна. Построенный по традиционной программе ("Славянские языки", "Славяне в древности", "Возникновение славянской письменности", "Из истории славянской филологии"), он предоставляет в распоряжение читателей практически безукоризненное изложение основных проблем славяноведения. Характерной чертой книги является величайшая осмотрительность автора при анализе доселе не решенных проблем – будь то вопрос о прародине (см. с. 146) или реконструкция праславянской мифологии (с. 239). Несомненным достоинством пособия следует признать также весьма продуманное ограничение праславянского и компаративного фонетико-грамматического материала, вследствие чего предотвращается дублирование разных университетских курсов. Единственный раздел, в целом построенный на реконструкции, – это "Жизнь древних славян по данным их языка", где, кажется, впервые в истории науки предпринята попытка дать всеобъемлющую картину материальной и духовной культуры древних славян на основе лексики; внушительен сам список рассматриваемых лексем, охватывающий такие сферы, как "человек, семья, род", "общество", "тело и душа, жизнь и смерть", "дом", "живая природа", "мысль и речь" и мн. др.; значительно облегчает пользование книгой указатель праславянских слов. В отношении данного раздела можно высказать лишь одно принципиальное замечание: на наш взгляд, он слишком сложен для первокурсников, которым при чтении приходится с трудом продираться через ряды праформ, отнюдь не всегда очевидных, ср.: **orzkošь*, **tqga*, **kqřь*. Думается, книга не много бы потеряла, если бы собственно праязыковой материал был сокращен: ведь только после основательного вхождения в курс старославянского (и праславянского) языка студенты научаются более или менее свободно ориентироваться в праформах.

Наиболее интересную часть учебника составляет, как мы полагаем, ее историографический раздел, который обычно является, напротив, наиболее скучным и "дежурным". А.Е. Супруну удалось нарисовать живые портреты многих славистов, избежав при этом монотонного и в общем бессмысленного с точки зрения студентов перечисления ученических трудов. Заслуживает всяческого одобрения дополнение собственно научной

биографии исследователей интересными чертами, отличающими их человеческий облик (хотя иногда автору все же изменяет чувство меры: едва ли, например, к научной и личностной характеристике словенского профессора что-то прибавляет сообщение о том, что в его кабинете пахнет кофе и кто и на чем этот кофе готовит – с. 421). При всей полноте обзора славистических исследований в разных странах автор, к сожалению, упустил из виду деятельность таких крупнейших славистов, как Д.С. Станишева и У.Р. Шмальstieg; в списке польских славистов не упомянуты А. Бартошевич и М. Кондратюк, среди норвежских – А. Граннес.

Ввиду наличия поистине образцового очерка истории науки представляются излишними длинные списки ученых, приведенные в параграфах, посвященных отдельным славянским языкам, и только затрудняющие восприятие материала. Явно избыточны и такие официальные сведения, как имена председателей и секретарей редакционных советов словарей (с. 127–128).

На фоне в целом безупречного, фактологически выверенного и чрезвычайно корректного изложения тем более досадными выглядят отдельные ошибки. Так, на с. 34 в числе восточнославянских рефлексов сочетаний гласных с плавными указан *melet* – в то время как **iel* давало на восточнославянской почве *tolot* (**melko* > *молоко*). Трудно признать балто-славянским корень **ik-* (*учить*): армянские, готские, древнеиндийские параллели ясно указывают на его общиндоевропейские истоки (с. 216). В корне глагола *шептатъ* восстанавливается не *e*, а *ь* (**ъьрты-*) (с. 219). Исконной формой инфинитива *смятъся* была форма с аблаутом: *смятися*, но наст. вр. *смяюся* (ср. с. 221); в корне слова *молчать* редуцированный, несомненно, находился перед плавным, а не после (с. 221). Глагол *блистати* является позднейшим образованием от *блисцати* – с упрощением [ц] > [т] (см. [4, с. 82]), и потому реконструкция **blustai* для праславянского (с. 232) неосновательна (ср. [6, т. 1, с. 262]).

На протяжении всего текста автор использует термин "балтский" вместо традиционного "балтийский", что кажется малоудачным.

Резюмируя, подчеркнем, что учебник А.Е. Супруна мог бы стать оптимальным пособием по курсу "Введение в славянскую филологию"; этому препятствует, как ни парадоксально, одно обстоятельство: слишком высокий научный уровень книги вклю-

чая и ее библиографическое оснащение, существенно превышающий, по нашему мнению, потребности и возможности славистов-первокурсников.

С этой точки зрения наибольшего успеха, по-видимому, добился В.В. Чедиа. Стройна и последовательна структура его работы. В разделе I – "Язык и жизнь древних славян" – рассматриваются основные черты праславянского языка, вопросы о его диалектном членении, этапах развития, территории, затем анализируется жизнь славян в свете археологических данных, по сведениям древних авторов и по собственно языковым показателям, далее описываются их социальная структура и образование первых государств и, наконец, возникновение славянской письменности. Важными положительными особенностями этого раздела по сравнению с другими пособиями являются подробный, но не усложненный обзор гипотез о славянской прародине, систематическое обозрение ранних свидетельств о славянах, увлекательное изложение кирилло-мефодиевской проблематики, специальный параграф о славянской палеографии.

Раздел II посвящен характеристике славянских языков; при всей традиционности этого описания автор внес существенное дополнение в обычный список: особо рассмотрен древнерусский – единственный исторически зафиксированный праязык для нескольких живых языков. Описания отдельных языков унифицированы и логичны и предоставляют, на наш взгляд, весь необходимый студентам объем информации.

Раздел III содержит краткий обзор истории славянской филологии.

Достоинством книги В.В. Чедиа является тщательный подбор текстов, почерпнутых – в отличие от учебника А.Е. Супруна, где образцами служат переводы речи В.И. Ленина, – из оригинальных сочинений крупнейших славянских писателей и цитируемых – в отличие от учебника В. Чекмонаса – по авторитетным изданиям. Впрочем, следует отметить, что старославянские тексты переводятся не всегда точно; так, *на села своя* значит не "в свои села", а "на свои поля" (с. 286); формы причастий *пристѣпше*, *пришедъ*, *видѣвъ* и др. в филологическом издании лучше передавать не прошедшим временем, как это практикуется в синодальном переводе Евангелия, а деепричастиями.

Автору, к сожалению, не удалось избежать и некоторых других недостатков как методического, так и собственно научного характера. К числу первых относятся совершенно

необязательные, на наш взгляд, вопросы для самопроверки, завершающие каждый параграф. Для заострения внимания на тех или иных моментах изложения достаточно было бы, видимо, ввести более подробную рубрикацию либо использовать шрифтовые выделения. На фоне подробного описания ранней государственности у славян весьма скупо повествуется о начальной истории сербов, хорватов, чехов. Имеются и более частные замечания. Западной, но не русской лингвистической традиции соответствует определение *ě* как палатального гласного (с. 28). Безусловно устаревшим является отнесение термина "древнерусский" ко всему периоду XI–XVII вв. (с. 58): для XV–XVII вв. применяется определение "среднерусский" ("старорусский"). Праформа слова *срамъ* реконструируется как **sormъ*, а не **sramъ* (с. 364). Древнерусского писателя звали Климент Смолятич, а не Климентий (с. 389). Янка Купала не мог "успешно продолжать" свою деятельность в послевоенные годы (с. 397), так как погиб в 1942 г. Крайне нежелательно наблюдающееся в книге нечеткое разграничение старославянского, древнеболгарского и церковнославянского языков, которое приводит к появлению таких, без преувеличения, оксюморонных сочетаний, как среднеболгарский язык – разновидность старославянского языка (с. 485), "сербские и хорватские тексты старославянского языка" (с. 501). Некорректно утверждение о том, что движение иллиризма "выступало против венгерского и латинского языков" (с. 506). Нуждается в унификации подача чешского имени Йосеф, фигурирующего иногда в немецком варианте – Йозеф (ср. с. 431 и 552). В учебнике приведен необходимый минимум библиографических отсылок; жаль все же, что в ней не учтены работы Р.М. Цейтлин по старославянской лексике; кроме того, неверно указаны названия журнала "Byzantinoslavica" (с. 274) и книги Х. Бирнбаума "Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции" (с. 276).

В целом книга В.В. Чедиа представляется нам лучшим из имеющихся пособий по введению в славянскую филологию, наиболее адекватно отвечающим требованиям, которые предъявляются к учебникам для первокурсников: она содержит необходимый и достаточный материал по всем темам, предусмотренным программой, написана живым и лаконичным языком, не перегружена библиографическими и грамматическими сведениями, не дублирует другие курсы, но в то же время готовит к их

восприятию (см., например, краткий обзор диалектных явлений в каждом из славянских языков или изложение традиционных точек зрения на генезис русского литературного языка). Можно с полным основанием констатировать, что долголетний педагогический опыт автора нашел в его труде прекрасное воплощение. Хотелось бы надеяться, что коллеги покойного приложат усилия для нового, исправленного и дополненного издания учебника в Москве.

В заключение отметим четыре момента, общие для всех проанализированных книг и нуждающиеся, как мы полагаем, в коррекции.

1) Авторы неизменно указывают на существование трех праславянских диалектов, положивших начало южно-, восточно- и западнославянским языкам. Это утверждение, однако, не может считаться абсолютно бесспорным (см., например, [9]).

2) Авторы уделяют явно недостаточное внимание малым славянским литературным языкам, лишь в книге А.Е. Супруна говорится о русинском; по-видимому, было бы интересно и полезно отразить эту тему с большей полнотой.

3) При описании развития славяноведения не возникает единая, целостная картина славянского национального возрождения конца XVIII–XIX вв., и соответствующие яркие явления оказываются изолированными, раздробленными по отдельным странам.

4) Хотя курс называется "Введением в славянскую филологию", следует, по нашему мнению, все же чаще обращаться и к собственно историческим вопросам: коль скоро программой предполагается подробное рассмотрение древней истории славянства, очевидно, нелишним был бы пусть краткий, но последовательный обзор дальнейших судеб славянских народов. В связи с этим возникает еще одно общее замечание, касающееся, однако, не рецензируемых, а будущих трудов. Распад национально-государственного устройства славянских стран, сложившегося после первой мировой войны, выдвигает перед исследователями задачу принципиальной переработки некоторых разделов курса – как в историческом аспекте, так и в плане описания отдельных языков. Не вызывает сомнений, что теперь, когда практически все славянские народы, кроме серболужичан, обрели государственную независимость, ни один из имеющихся учебников не может быть признан вполне соответствующим "духу времени".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н.И. Курс "Введение в славянскую филологию" и его отношение к курсу "Старославянский язык" // Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984. С. 37.
2. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд. М., 1986.
3. Современный русский язык / Под ред. Белошапковой В.А. 2-е изд. М., 1989.
4. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
5. Этимологический словарь славянских языков.

Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981. С. 247–248.

6. Słownik prasłowiański. T. 1, Wrocław etc., 1974.
7. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988. С. 281.
8. Орел В.Э. // Сов. славяноведение. 1990. № 4. Рец. на кн.: Чекмонос В. Введение в славянскую филологию. Вильнюс, 1988.
9. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблема диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 176.

Крысько В.Б.

Die Lexik der altrussischen Version des "Jüdischen Krieges" des Flavius Josephus / Hrsg. von Trost K., erstellt von Hansack E., Textfassung: Komaroff M., Brosch R. Regensburg: S. Roderer Verlag. Bd 1: Belegstellenverzeichnis. 1990. 232 S. Bd 2: Rückläufiges Belegstellenverzeichnis. 1990. 319 S. Bd 3: Namen. 1991. 328 S.

Появление словоуказателя к древнерусскому переводу "Истории иудейской войны" Иосифа Флавия – событие, которого давно ожидали специалисты по древнерусскому языку. Составители справедливо отмечают в Предисловии исключительную важность этого памятника – одного из очень немногочисленных переводов с греческого оригинала, осуществленных в домонгольской Руси. Словоуказатель выполнен по изданию Н.А. Мещерского, в основу которого положен список XVI в. № 109/147 Центральной библиотеки АН Литвы (Виденский хронограф) [1].

Словоуказатель содержит индекс (т.е. перечень без грамматических помет) всех словоформ аппеллативов, встречающихся в памятнике (I т.), и сделанный на его основе обратный словарь (II т.). Третий том целиком посвящен собственным именам: он содержит индекс антропонимов, топонимов, этнонимов и производных от них; к этому индексу прилагаются соответствующие обратные и частотные словари, а также славяно-греческо-немецкий, греческо-немецко-славянский и немецко-греческо-славянский ономастические индексы.

Указатель, фиксирующий всю лексику памятника, дает богатый материал для лексикологических исследований; в то же время создаются предпосылки для решения вопроса о месте возникновения перевода. Указатель позволяет сопоставлять "Историю иудейской войны" с другими древнерусскими переводами и подготавливать тем самым базу для установления характерных особенностей,

отличающих древнерусские переводы от южнославянских.

Наиболее ценный материал, который можно извлечь из словоуказателя, – это лексемы, не зафиксированные словарями древнерусского языка. К их числу относятся, например, *пласма* 338,23¹ "планция" (толкования в указателе отсутствуют), *подплънени* 323,17 "чуть было не попавшие в плен", *послучитися* 306,11 "случиться", *прикрънъ* 321,21 "крутой", *струимень* 250,18 (ошибочное написание в Виленском хронографе вместо *струмень*) "поток, ручей, река", *хоишники* 349,28 "ветки хвойных деревьев (?)", *щеполькы* 258,16 "отростки ветвей" и др. О важности этих данных, в частности, для определения диалектной среды, в которой был выполнен перевод "Истории иудейской войны", свидетельствует даже этот небольшой выборочный перечень. Показательно, например, прилагательное *прикрънъ* "крутой" (-ъ- вместо -е-): однокоренные формы фиксируются только в западнославянских языках, украинском, белорусском и западных и сибирских говорах русского языка – чеш. *přikrý*, слов. *príkry*, польск. *przykry*, укр. *при́крый*, блр. *пры́кры*, русск. диал. (зап., смол.) *при́крый* [2], а наиболее близкая к употребленной древнерусским переводчиком форма *при́крень* отмечена в правобережном Полесье (Ровенская область, см. [3]). Западный ареал

¹Первая цифра обозначает страницу в издании Н.А. Мещерского, вторая – строку.